

DOI: [10.14515/monitoring.2024.6.2649](https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.6.2649)**К. И. Казенин, Е. С. Митрофанова****ТРАДИЦИЯ И ОСОЗНАННЫЙ ВЫБОР НА ЖИЗНЕННОМ ПУТИ?
ОПЫТ АНАЛИЗА ПОДХОДОВ К РЕШЕНИЮ О РОЖДЕНИИ ДЕТЕЙ
СРЕДИ ЖИТЕЛЕЙ СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ И РЕГИОНОВ
СЕВЕРНОГО КАВКАЗА****Правильная ссылка на статью:**

Казенин К. И., Митрофанова Е. С. Традиция или осознанный выбор на жизненном пути? Опыт анализа подходов к решению о рождении детей среди жителей сельских территорий и регионов Северного Кавказа // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2024. № 6. С. 275—296. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.6.2649>.

For citation:

Kazenin K. I., Mitrofanova E. S. (2024) Following Traditions or Conscious Choice during the Life Course: An Analysis of Fertility Decision Making in Russian Population Groups with Higher Fertility. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 275–296. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.6.2649>. (In Russ.)

Получено: 04.07.2024. Принято к публикации: 01.10.2024.

ТРАДИЦИЯ ИЛИ ОСОЗНАННЫЙ ВЫБОР НА ЖИЗНЕННОМ ПУТИ? ОПЫТ АНАЛИЗА ПОДХОДОВ К РЕШЕНИЮ О РОЖДЕНИИ ДЕТЕЙ СРЕДИ ЖИТЕЛЕЙ СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ И РЕГИОНОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

КАЗЕНИН Константин Игоревич — независимый исследователь, Москва, Россия
E-MAIL: konstantinkazenin@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-3796-6795>

МИТРОФАНОВА Екатерина Сергеевна — научный сотрудник Центра региональных исследований и урбанистики, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Россия
E-MAIL: mitrofanova-es@ranepa.ru
<https://orcid.org/0000-0002-3322-5922>

Аннотация. В статье рассмотрены результаты качественного исследования отношения к вопросам деторождения и его места в жизненном пути индивида. Методом фокус-групп были изучены мнения жителей тех частей России, где в 2010-е годы наблюдался более заметный рост рождаемости и более молодой возраст материнства, чем по стране в целом. После анализа статистических данных в качестве таких территорий были отобраны две республики Северного Кавказа (Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии), а также сёла в пяти других регионах РФ (Калмыкии, Башкортостана, Ставропольского края, Астраханской и Томской областей).

Исследование показало, что респонденты в целом оказались весьма далеки от подхода к рождению детей, основанного на воспроизводстве традиций предшествующих поколений, от представлений об «обязательности» рождения определенного количества детей к определенному возрасту и т.д. Для опрошенных характерны прагматичные

FOLLOWING TRADITIONS OR CONSCIOUS CHOICE DURING THE LIFE COURSE: AN ANALYSIS OF FERTILITY DECISION MAKING IN RUSSIAN POPULATION GROUPS WITH HIGHER FERTILITY

Konstantin I. KAZENIN¹ — Independent Researcher
E-MAIL: konstantinkazenin@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-3796-6795>

Ekaterina S. MITROFANOVA² — Research Fellow, Centre for Regional Studies and Urban Studies
E-MAIL: mitrofanova-es@ranepa.ru
<https://orcid.org/0000-0002-3322-5922>

¹ Moscow, Russia

² Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia

Abstract. The paper examines the results of a quantitative survey of attitudes towards childbearing among people living in those parts of Russia, which were characterized by a more noticeable increase in the birth rate than in the country as a whole, as well as a younger age of motherhood in the 2010s. These are the Northern Caucasus and rural territories of several regions. The study is based on focus groups held in two republics of the Northern Caucasus (Kabardino-Balkaria and Karachay-Cherkessia) and among the rural population of five regions in other parts of the country (Kalmykia, Bashkortostan, Stavropol Territory, Astrakhan, and Tomsk regions).

The respondents generally did not accept the approach to childbearing, which assumes reproducing fertility patterns of older generations and considers having a certain number of children to certain ages as “obligatory.” Much more “pragmatical” attitudes dominated among the respondents. Age at childbearing and the number of children was considered a matter of a couple’s free choice, not con-

взгляды на родительство: число детей и возраст деторождения рассматриваются как самостоятельный, нерегламентированный никакими социальными ограничениями выбор пары; подчеркивается важность совмещения родительства с профессиональной самореализацией и отца, и матери; качество воспитания объявляется существенно более важным приоритетом, чем количество детей.

Результаты фокус-групп показали, что у жителей Северного Кавказа и ряда сельских территорий взгляды на деторождение трансформируются сообразно тому, как это происходит в остальных частях страны. Представляет интерес для дальнейшего изучения, как при отсутствии «ценностного разлома» с жителями других регионов, на перечисленных территориях уровни рождаемости остаются выше среднего.

Ключевые слова: рождаемость, фокус-группы, регионы России, демографический переход

strained by any ideals or restrictions accepted in society. The importance of combining parenthood and professional self-realization was emphasized. The “quality” of parenthood, indicated mainly by psychological comfort conditions for all family members, is assigned a higher priority than the number of children.

The results of focus groups showed that among residents of the North Caucasus and a number of rural areas, views on childbearing are transforming in accordance with how it is ongoing in the rest of the country. It is of interest for further study, as in the absence of a “value fault” with residents of other regions, in the listed territories the birth rates remain above average.

Keywords: fertility, focus groups, regions of Russia, demographic transition

Введение¹

Один из ключевых результатов мировых демографических исследований последних десятилетий состоит в том, что уровень рождаемости и ее возрастные характеристики существенным образом зависят от доминирующих в социуме представлений о семье, браке, рождении потомства. Именно с изменениями этих представлений исследователи связывают ключевые трансформации репродуктивного поведения, имевшие место в Европе и Северной Америке в последние два столетия — так называемые Первый и Второй демографические переходы [Демографическая модернизация..., 2006: 67—95, 137—152; Lesthaeghe, 1993; Notestein, 1945; van den Kaa, 1987]. Более «новая» из этих трансформаций, Второй демографический переход (ВДП), начался в странах Западной и Северной Европы в 1960-е годы, а в странах бывшего коммунистического блока — преимущественно в 1990-е годы, после падения Берлинской стены [Sobotka, 2008]. В репродуктивной сфере основные признаки ВДП состояли в увеличении среднего возраста матери при рождении детей всех очередностей, снижении рождаемости до уровня менее двух детей на одну женщину, а также в росте доли детей, родившихся вне зарегистрированного брака. Комплекс взглядов, укрепление которых среди населения

¹ Исследование Е. С. Митрофановой выполнено в рамках НИР госзадания РАНХиГС.

исследователи рассматривают как основную предпосылку ВДП, в наиболее общем виде можно представить следующим образом [van den Kaa, 1994; Sobotka 2008]:

- отказ от точки зрения об «обязательности» для женщин иметь определенное число детей к определенному возрасту;
- признание деторождения сферой самостоятельного выбора каждой пары;
- ориентация на совмещение родительства и профессиональной самореализации и для мужчин, и для женщин;
- ориентация на «качественное» родительство, один из приоритетов которого — психологический комфорт родителей и детей;
- отказ от жесткой связки между браком и деторождением: допущение возможности рождения детей вне зарегистрированного брака и заключения брака без цели деторождения.

В России основные признаки ВДП начали проявляться после 1991 г. [Zakharov, 2008]: число браков и деторождений стало снижаться так, что рождаемость упала ниже уровня простого воспроизводства [Захаров, 2007], а возраст вступления в первый брак и «старта» материнства — расти [Население России, 2014: 78—84]; сожительства начали распространяться в разных слоях общества [Долбик-Воробей, 2003; Захаров, 2007; Шабунова, Калачикова 2015] и постепенно вписываться в приемлемый сценарий начала брачно-партнерской траектории [Казьмина, Пушкарева, 2004: 213; Митрофанова, 2019: 64]; количество деторождений вне брака, соответственно, увеличилось [Население России, 2014: 113—114]. Эти перемены соотносились с изменениями более широкого плана: сама организация жизненного пути россиян в послесоветский период начала отходить от институционализированных сценариев в пользу более вариативных моделей формирования календаря наступления демографических событий согласно собственным представлениям и интериоризированным нормам [Митрофанова 2019: 62—68].

Помимо «количественного» аспекта происходящих трансформаций, которые были подтверждены статистикой и результатами выборочных обследований, также важна «качественная» сторона демографической модернизации: стали ли представления о браке и деторождении меняться в том направлении, которое предсказывается ВДП (разные точки зрения на этот вопрос см., например, в [Perelli-Harris, Gerber, 2011; Zakharov, 2008]). Особенности демографической модернизации в советское время заключались в консервации модели «патриархальной» семьи в более современных условиях, но без предоставления свободы в частной жизни, в выборе собственной семейной и брачно-партнерской траектории [Демографическая модернизация..., 1999].

При этом важно отметить, что постсоветские изменения рождаемости, характерные для ВДП, затронули в России только те части населения, которые можно было бы считать наиболее восприимчивыми к связанным с ним идеям, — жителей мегаполисов, образованные слои и т. д. Уже в 1990-е — первой половине 2000-х годов ряд индикаторов ВДП в той или иной мере наблюдался во всех социальных стратах населения РФ — среди горожан и сельчан, среди разных образовательных групп, среди большинства этносов [Zakharov, 2008]. Однако дальнейшая динамика брачности и рождаемости не свидетельствовала о конвергенции

разных групп населения по характеристикам этих процессов. Напротив, в первой половине 2010-х годов демографы отмечали рост вариативности разных групп населения страны по динамике ее показателей. В частности, у населения ряда республик Северного Кавказа в этот период «омолаживался» средний возраст материнства, росла доля многодетных семей (см., например, [Казенин, Козлов, 2016]). Сельское население страны в целом в конце 2000-х — первой половине 2010-х годов демонстрировало более высокий уровень рождаемости и, по большинству лет, более значительные темпы его прироста по сравнению с городским; возраст материнства на селе также был в этот период заметно ниже, чем в городе [Захаров, Сакевич, 2017: 134—137]. На фоне таких изменений в публичном пространстве все увереннее звучали идеи о том, что именно эти части населения должны стать основой «демографического возрождения» страны, что ценностные установки, преобладающие среди жителей села и ряда «национальных» регионов, могут решающим образом способствовать будущему росту рождаемости в стране в целом; звучали утверждения о большем потенциале Северного Кавказа и села к «ретрадиционализации» семейных отношений, которая могла бы служить базой для более высокой рождаемости²; в самые последние годы в СМИ и социальных сетях стала популярна идея организации массового переселения горожан в сельскую местность и малые города, где существующий жизненный уклад и ценностная база якобы способны будут переориентировать переселенцев на высокую рождаемость.

В настоящей статье на основе качественных полевых исследований мы обсуждаем, верны ли представления о ценностном «разломе» разных регионов или слоев населения страны в вопросах родительства и, соответственно, насколько реальна перспектива внутристрановой дифференциации рождаемости по линии этого предполагаемого «разлома». Мы опираемся на результаты фокус-групп, проведенных в 2021 и 2023 гг. среди именно тех групп россиян, для которых, судя по особенностям рождаемости в 2010-е годы, комплекс идей, связанных со Вторым демографическим переходом, должен быть максимально чужд: это сельское население ряда регионов, а также жители двух «национальных» субъектов юга России, в которых исследование охватило как сельское, так и городское население. После описания в следующем разделе методологии проведенного исследования мы кратко охарактеризуем высказанные на фокус-группах взгляды, касающиеся семьи и деторождения, и на этой основе возвратимся к заданному выше вопросу.

Метод фокус-групп и его применение для исследования сенситивных вопросов

Фокус-группы хорошо зарекомендовали себя как метод для обсуждения различных социальных вопросов, так как позволяют замерить настроения людей, выявить вектор группового обсуждения и обозначить новые направления для последующих исследований. Однако некоторые вопросы являются «чувствительными» для публичного обсуждения даже под руководством опытного модератора,

² Например: Колиброва Д. Демографическая ситуация в России: как развитие сельских территорий может стимулировать рождаемость // Экодело. 2012. 30 июня. URL: https://ecodelo.org/moskva/15827-demograficheskaya_situatsiya_v_rossii_kak_razvitiye_selskikh_territorii_mozhet_stimuliro (дата обращения: 02.12.2024).

и мнения исследователей расходятся относительно того, стоит ли обсуждать темы, связанные с созданием семьи и деторождением, на фокус-группах. Ранее главенствовал подход, что респонденты не будут давать развернутые ответы на вопросы относительно своей личной жизни [Knodel, Chamrathirong, Debavalya, 1987; Kitzinger, 1994; Zeller, 1993] либо будут давать «социально желаемые» ответы [Randall, Fernandez, 1991; Lalwani, Shavitt, Johnson, 2006; Kazenin, Kozlov, 2020].

Однако исследования последних десятилетий показали, что обсуждение тем, связанных с «интимными» сторонами семейной жизни, в формате фокус-групп имеет свои сильные стороны, во многом вытекающие из ограничений этого метода. Высказываясь в присутствии друг друга, респонденты предполагают, что начатая ими тема может вызвать обсуждение присутствующих. В такой ситуации участники фокус-групп, с одной стороны, могут излагать свои мнения и рассказывать о своем опыте так, чтобы не вызвать негативной реакции со стороны других респондентов, а о каких-то сторонах своей семейной жизни могут умолчать, даже если готовы говорить о них в формате индивидуального интервью [Morgan, 1996]. Однако именно публичность высказываний участников делает фокус-группы своего рода индикатором имеющихся в социуме представлений о том, какие темы, связанные с семейной жизнью, могут обсуждаться на «публике», а какие нет, какие точки зрения на брак и деторождение приемлемы и могут быть озвучены, а какие — нет. Кроме того, реакция участников фокус-групп на высказывания друг друга может показать, насколько остры в данном социуме противоречия, касающиеся взглядов на различные вопросы из сферы семейной жизни [Morgan, Krueger, 1993].

Разумеется, исследование методом фокус-групп, как и любое другое качественное исследование, не может оценить степень распространенности в обществе тех или иных представлений, однако оно способно обнаружить имеющееся «меню» подходов к обсуждаемому на фокус-группах вопросу и остроту противоречий между сторонниками разных подходов.

Характеристика проведенных фокус-групп

Фокус-группы, результаты которых рассматриваются в данной статье, были проведены в рамках разных исследовательских проектов (во всех проектах они в первую очередь служили для проверки выводов, полученных на основе статистического анализа результатов параллельно проводившегося количественного опроса, однако в данной статье их результаты рассматриваются вне связи с «количественником»). Фокус-группы, проведенные в разные годы, несколько отличались друг от друга как по принципам подбора участников, так и по набору обсуждавшихся вопросов. В 2021 г. в фокус-группах участвовали жители в возрасте 20—35 лет, не имевшие на момент исследования ни одного ребенка. В 2023 г. в качестве участников выступали жители 20—40 лет, состоявшие в браке или незарегистрированном партнерстве, большинство из которых имело хотя бы одного ребенка. На фокус-группах 2021 г. основной темой обсуждения было влияние пандемии COVID-19 и других социально-экономических вызовов последних лет на намерения респондентов вступить в брак и завести детей. В 2023 г. исследование имело целью выявить, как на планах респондентов иметь в ближайшие годы детей отражаются существующие социально-экономические и геополитические риски.

Разные принципы отбора участников фокус-групп в 2021 и 2023 гг. не могли не повлиять на их результаты. В 2021 г. в обсуждениях участвовали респонденты, не имевшие на тот момент ребенка и делившиеся своими мнениями о том, что может повлиять на их решение впервые стать родителем (а поскольку в среднем около 30 % респондентов фокус-групп 2021 г. на момент проведения исследования не состояли в браке или партнерстве, для части респондентов это решение также было связано с решением о начале семейной жизни). В фокус-группах 2023 г. основное обсуждение касалось вопроса о том, при каких условиях респонденты готовы будут иметь больше детей, чем у них было на момент исследования. Очевидно, что эти различия между фокус-группами разных лет выступали ограничением при интерпретации их результатов. Однако они давали исследованию и дополнительный потенциал, так как позволяли выявить взгляды респондентов на разные жизненные решения, важные для них в соответствии актуальной повесткой и тем этапом жизненного пути, на котором находились опрашиваемые. Опыт респондентов, на основе которого и в 2021 г., и в 2023 г. проходил их отбор и который интересовал нас в первую очередь, был связан именно с предстоящими им жизненными решениями (становиться ли родителем, заводить ли еще одного ребенка), с обдумыванием и планированием будущих шагов. Вместе с тем, учитывая разницу между фокус-группами 2021 и 2023 гг. по отбору респондентов, ниже при изложении основных результатов исследования мы по возможности проиллюстрируем ключевые выводы цитатами из фокус-групп обоих лет.

Гайд для проведения фокус-групп предполагал последовательное обсуждение таких вопросов, как желание респондентов иметь (еще) детей; идеальное, с их точки зрения, количество детей в семье; основные факторы, которые респонденты будут учитывать, принимая решение о рождении ребенка; необходимость официальной регистрации брака до рождения ребенка, и т.д. После того как какой-либо респондент высказывал свое мнение, модератор предлагал ему обосновать свою точку зрения, а другим респондентам — выразить согласие или несогласие. Важнейшей целью модератора было вызвать обсуждение тех приоритетов, на которые респонденты ориентируются при формировании своих репродуктивных намерений.

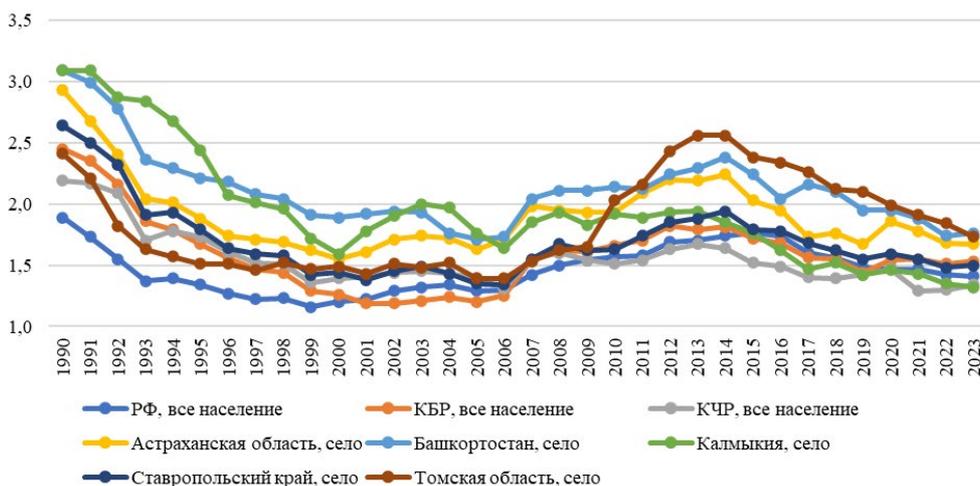
В настоящей статье рассматриваются результаты только тех фокус-групп, проведенных в рамках проектов 2021 и 2023 гг., которые представляют интерес для обозначенных во введении целей исследования. Это, во-первых, фокус-группы, проведенные в двух республиках Северного Кавказа — Кабардино-Балкарии (КБР) (2023) и Карачаево-Черкесии (КЧР) (2021). Для северокавказских регионов мы рассматривали данные фокус-групп, проведенных как на селе, так и в городах. Во-вторых, это фокус-группы, проведенные за пределами Северного Кавказа — среди сельских жителей. Регионы, для которых имелись результаты «сельских» фокус-групп, включают Калмыкию (2023), Башкортостан (2021), Ставропольский край (2023), Астраханскую (2021) и Томскую (2021) области³. Включенные в исследование регионы, в том числе и их сельские районы, суще-

³ Результаты фокус-групп, проведенных в 2021 г., рассматривались ранее в статье [Казенин, 2022], где в центре внимания было прежде всего влияние пандемии COVID-19 на репродуктивные намерения респондентов.

ственно отличаются друг от друга по социально-экономическим и культурным характеристикам. Безусловно, между респондентами, опрошенными в разных регионах, а иногда и в разных населенных пунктах одного и того же региона, наблюдались различия по подходам к обсуждаемым проблемам. Рассмотрение этих различий выходило за рамки задач статьи, так как обсуждение результатов концентрировалось прежде всего на мнениях, обнаруженных в ходе фокус-групп во всех регионах.

На рисунке 1 показана динамика суммарных коэффициентов рождаемости в выбранных для исследования группах населения в сравнении с общероссийской динамикой в 1990—2023 гг. Для всех выбранных групп, кроме сельского населения КЧР, по крайней мере в значительной части этого периода показатель рождаемости несколько превышал общероссийский⁴.

Рисунок 1. Динамика суммарных коэффициентов рождаемости в исследуемых регионах, 1990—2023 гг.⁵



Следует подчеркнуть, что текущий уровень рождаемости не имел определяющего значения при выборе регионов для проведения исследования. Принципиально важным было то, что, как отмечено во введении, и республики Северного Кавказа, и сельские территории РФ в целом по своей динамике в 2000-е — 2010-е годы показывали большой потенциал к повышению рождаемости и ее «омоложению». Конкретные уровни рождаемости и многодетности, достигнутые в последние полтора десятилетия, очевидно, были результатом действия многочисленных факторов, в том числе и экономического порядка. Уровень этих показателей даже в тех

⁴ Низкие уровни рождаемости, фиксируемые официальной статистикой в КЧР, могли отчасти быть статистическим артефактом (см. обзор в [Казенин, 2019]). Как показано в той же работе, в КЧР на протяжении постсоветского времени имелись значительные межэтнические различия по рождаемости. Для фокус-групп в этом регионе выбирались преимущественно представители этносов с более высокими уровнями рождаемости в последние десятилетия.

⁵ Источник: Единая межведомственная информационно-статистическая система (ЕМИСС). URL: <https://fedstat.ru/indicator/31517> (дата обращения: 25.09.2024).

регионах, где он мало отличался от общероссийского, не снимал вопроса о том, насколько взгляды на деторождение в этих регионах соответствуют ожиданиям дальнейшего перехода к более «традиционным» моделям воспроизводства населения, с акцентом на ранний старт материнства и многодетность.

В КБР и КЧР по одной фокус-группе было проведено в республиканских столицах, в КЧР две фокус-группы были проведены в малом городе, в КБР — в сельском районе. Большинство (более 80 %) участников фокус-групп в этих регионах составляли респонденты «титульных» национальностей. В остальных регионах было проведено по две фокус-группы с участием сельского населения. В большинстве случаев для проведения фокус-групп выбирались сельские районы, не примыкающие непосредственно к региональному центру. Для участия в фокус-группах в сельской местности отбирались респонденты, имевшие на селе постоянное место жительства в предшествующие исследованию пять лет. При этом большинство из них — как и большинство взрослого населения районов, где проводились фокус-группы, — имели значительный опыт временного проживания в городах и в других регионах, в том числе в связи с временной трудовой миграцией. В Башкортостане, в сельской местности КБР и КЧР раздельно проводились «женские» и «мужские» фокус-группы. В других регионах гендерный состав респондентов был смешанным. Во всех фокус-группах, за исключением проводившихся в сельской местности КБР, участвовало не менее десяти респондентов.

Состав респондентов фокус-групп подбирался таким образом, чтобы включать женщин и мужчин всех пятилетних возрастных групп в выбранном диапазоне. Также обеспечивалось участие респондентов с разным родом занятий и уровнем доходов. Требование, чтобы респонденты не были знакомы друг с другом до проведения фокус-группы, по возможности выполнялось, однако полностью следовать ему при проведении фокус-групп в сельской местности было невозможно.

Мнения о родительстве: результаты фокус-групп

Общие взгляды на деторождение: всем ли иметь детей, сколько и в каком возрасте?

Одним из вопросов, по которому участники фокус-групп проявили наибольшее единодушие, был вопрос о бездетности: все высказавшиеся определили ее как «чуждое» им явление, не имеющее перспектив получить заметное распространение в их населенном пункте, регионе. При этом практически всегда эта мысль сопровождалась оговоркой, что отказ иметь детей не должен получать общественно-го осуждения — как личный выбор, на который человек имеет безусловное право:

А идея жизни без детей не должна пугать, нам в России это не грозит. Но кто так хочет, это тоже правильно. (Ставрополье, село, ж.)

В каждой семье должны быть дети, чтобы продолжился род. Но, в принципе, дело каждого. (КБР, город, м.)

Даже те респонденты, которые считали, что в настоящее время личная ситуация или ситуация в регионе, стране не позволяет им иметь детей, говорили об этом как о временном решении, не равном решению оставаться бездетными.

Нет стабильности, сегодня вроде что-то у тебя есть, а завтра нет. Программы на словах только работают, везде бюрократия... В общем, я бы не хотела, чтобы мои дети жили в это время. (Башкортостан, село, ж.)

В связи с этим интересно отметить, что некоторые респонденты, говоря о малой распространенности бездетности среди жителей их населенного пункта или района, по собственной инициативе переходили в разговоре к теме выплат материнского капитала при рождении первого ребенка, стартовавших в 2020 г. Они высказывали мнение, что повлиять на рождаемость первых детей эта мера не может, поскольку большинство семей и без нее планируют иметь хотя бы одного ребенка:

Семей, в которых бы (введение маткапитала) подтолкнуло к рождению первого ребенка, я лично не знаю. (КБР, село, ж.)

Респонденты затруднялись или даже сразу отказывались назвать «идеальное» для себя количество детей. Сама идея заранее установить число детей, которое они хотели бы иметь, представлялась многим респондентам неверной. Более осмысленным им виделся подход, при котором решения о каждом деторождении принимаются в конкретных жизненных обстоятельствах, могут откладываться на более позднее время и не определяются каким-либо предустановленным «итоговым» числом детей: «(Сейчас второго ребенка) пока еще не хочу. Возможно, задумаюсь... когда более крепко встану на ноги» (Калмыкия, село, м.); «Я тоже хочу детей, где-то двое, мне хватит двоих... Двое детей — это количество, если я финансово смогу продержаться» (Ставрополье, село, ж.).

Участники фокус-групп подчеркивали, что рождение детей — это выбор пары, не зависящий от каких-либо принятых в обществе образцов репродуктивного поведения.

Это (количество детей) зависит от того, сколько кому надо. Тоже ответственность большая, не только материальная... Самое первое — это психологическая атмосфера. (КБР, село, ж.)

Супруги должны быть готовы к этому, к рождению ребенка... готовы как морально, так и физически, и финансово, я бы так сказал. (Башкортостан, село, м.)

Отличие поколения, находящегося в настоящее время в репродуктивном возрасте, от тех, кто жил «раньше» (без определения каких-либо хронологических рамок), респонденты видели в первую очередь именно в самостоятельности принимаемых решений о деторождении.

Раньше, когда детей заводили, — это (было) надо. Не то что хочу — не хочу. Такого раньше вообще не было. Просто надо — и все. А сейчас как раз-таки вот молодежь — сами решают, хотят они, не хотят, жить для себя, жить не для себя, готов ты, не готов — вот это поменялось. (КБР, город, м.)

По сравнению с предшествующими поколениями, по представлениям респондентов, у нынешнего поколения деторождение не является безоговорочным приоритетом, каждый волен определять, какое место оно занимает в его жизненных планах:

Но сейчас идет такое расслоение. Люди делятся в этом вопросе, и для некоторых людей создание потомства — это... цель создания вообще семьи, и они уверенно к этому движутся. Другие просто рассматривают создание семьи, меньше вкладывая в это смысл потомства, у них детей меньше. (КЧР, город, м.)

Участие старших родственников в принятии решений о деторождении респонденты не считали определяющим, в том числе и на Северном Кавказе:

Старшие родственники вообще не влияют. Это такой интимный вопрос, который задавать, мне кажется, не стоит, это сами принимают все решения. Никто не знает, если муж и жена ведут такие разговоры. (КБР, село, м.)

Они [родители] не давят. Сейчас же время совсем другое. (Калмыкия, село, м.)

Относительно возраста деторождения респонденты также не считали, что он должен соответствовать каким-либо жестко установленным рамкам:

Я критично не отношусь к возрасту, я вообще думаю, что супруги должны быть готовы к этому, к рождению ребенка. (Башкортостан, село, м.)

Сейчас вот это критический возраст — он как-то отходит на второй план. (Томская область, село, ж.)

Меня мама родила в 36 лет, тогда это считалось очень поздно, «старородящая», сейчас 36 — это норма считается. (Астраханьская область, село, ж.)

Подчеркивалось, что у разных пар готовность к рождению ребенка может наступить в разном возрасте, причем определяется это не только материальными условиями, но и психологической готовностью к родительству. Решение о родительстве принимают именно пары, а не необходимость соблюдения некоего возрастного «графика».

Почему еще [женщине имеет смысл рожать не раньше, чем] в 30 — потому что это все-таки финансовая независимость и стабильность некая. (Томская область, село, ж.)

Думаю, что оптимальный возраст для рождения детей для женщины — 25—30 лет, потому что в первую очередь в этом возрасте девушки подходят к рождению ребенка более осознанно, в любом случае ребенку надо дать основу, не только материальную, но и моральную, поэтому 25—30 лет. (Башкортостан, село, ж.)

Соответственно на данном этапе я детей пока еще не хочу. Возможно, задумаюсь ближе к 40, когда более крепко встану на ноги, появятся какие-то свои еще дополнительные доходы. (Калмыкия, село, ж.)

При этом общей тенденцией в их населенных пунктах респондентам виделся «сдвиг» рождаемости к более старшим возрастам, в том числе и на селе: «Отодвинулось, наверно, на лет 10, да? Если раньше рожали в 20, то сейчас в 30—35» (Калмыкия, село, м.).

Также некоторые респонденты старше 30 лет отмечали, что сожалеют о рождении детей в слишком раннем возрасте: «У меня двое детей, но сейчас я думаю, что сначала нужно было поработать и заработать деньги, а потом рожать» (Ставрополье, село, ж.). Один из «минусов» раннего деторождения, на взгляд респондентов, в том, что слишком молодые родители не могут полноценно воспитать ребенка:

[Если рожают детей рано] в лучшем случае воспитание перекладывается на бабушек и дедушек, а они уже дают ту культурную информацию, тот опыт, который они пережили уже в другой стране, которая распалась в 1991 году. И этот опыт уже не работает в наших реалиях. (Томская область, село, м.)

Достаточно часто звучала также мысль о том, что в более позднем возрасте решения о рождении детей женщины принимают более осознанно, ориентируясь на свои внутренние потребности:

В 25 я решила, что двух детей для меня достаточно. А сейчас, уже после 30, я еще хочу детей, у меня возрождается вот это материнское чувство... Мы рано вышли замуж и родили детей, а сейчас уже более осознано хочешь и родить, и воспитать. (КБР, село, ж.)

Тренд на «качественное» родительство

Респонденты, заявившие о нежелании иметь много детей, основной риск многодетности видели в том, что не смогут дать каждому ребенку достаточно ресурсов, уделить ему достаточно внимания. Регулярно в ходе фокус-групп возникала тема противоречия между количеством детей и качеством воспитания, и респонденты подчеркивали, что и сами они, и любые другие родители могут находить компромисс между «количеством и качеством» по-своему.

Я тоже считаю, что лучше один [ребенок], потому что на одного ребенка можно гораздо больше сил потратить и лучше ему донести, чем на двоих. (Томская область, село, м.)

Индикатор «качественного» родительства для респондентов — прежде всего психологическое здоровье ребенка:

Ну и опять-таки никогда не было желания иметь много детей, потому что это трудно, сложно, это нужно каждому еще уделить внимание свое, ну то есть чтобы он потом не говорил: «У меня психологическая травма». (Калмыкия, село, ж.)

Рассуждая о материальных условиях, респонденты подчеркивали, что разные родители могут по-разному определять тот уровень благ, который необходимо дать ребенку.

Кто-то считает, что ребенок родился и надо его обеспечить квартирой в Москве. (Башкортостан, село, м.)

Кто-то, я знаю, хочет одного ребенка, но дать ему все — за границу, лучшее образование, кто-то готов делить на двоих, дать им образование, вырастить достойными людьми. (КБР, село, ж.)

Однако как о минимально необходимом материальном условии для рождения ребенка чаще всего говорилось о таком жилье, в котором ребенок мог бы иметь отдельную комнату.

Должна быть двухкомнатная квартира, чтобы ребенок, когда родился, у него была своя комната. (Башкортостан, село, м.)

Количество детей — это, конечно, жилая площадь, квадратура. Ну, то есть это деньги. (Калмыкия, село, м.)

Это требование респонденты связывали в первую очередь с психологическим благополучием всех членов семьи, в том числе с возможностью психологического восстановления для родителей:

Для начала нужна двухкомнатная [квартира], чтобы родители отдыхали. (Башкортостан, село, м.)

Достаточно пространства для родителей, и комната для ребенка обязательно. (Астраханская область, село, м.)

Одна из причин, по которой респонденты предпочитали более позднее рождение детей, была связана именно с ориентацией на «качественное» родительство: оно возможно только после достижения полноценного взаимопонимания между супругами, а чтобы его добиться, требуется время.

Сначала надо наладить отношения с женой, привести их в идеал, только потом следующий шаг, это вот именно к детям. (КЧР, город, м.)

Нужно быть психологически, морально и материально готовым к этому... Это отношения между родителями, между супругами... (КБР, село, ж.)

Во всех регионах респонденты подчеркивали, что условием «качественного» родительства является полноценный психологический контакт ребенка как с ма-

терью, так и с отцом. Для некоторых респондентов это даже служило аргументом против слишком «позднего» отцовства.

Для мужчины 35—37 — критический возраст [чтобы быть отцом]. Потому что я привык так думать, что отец — он еще и друг. А если большой разрыв по возрасту, тебе сложно с ними (с детьми) быть на одной волне. (КЧР, город, м.)

При этом, по мнению многих респондентов, их представления о «качественном» родительстве разделяются не всеми в их районе, регионе. Некоторые, в том числе среди сельских респондентов, были убеждены, что семьи с иным подходом к деторождению можно найти только в наиболее отдаленных населенных пунктах:

Если в глубинные деревни поедете... для них 6—7 детей — это норма, трое детей не считается у них многодетной [семьей], это у них принято, испокон веков это идет, там есть такие деревни, в которых даже дорог нет, зимой туда едешь, потому что трактор пробил, и в этих семьях там семеро по лавкам сидят. (Башкортостан, село, ж.)

Некоторые, наоборот, встречали такие семьи среди своих соседей.

Обычно я наблюдаю такую ситуацию, это везде так: кто меньше присматривает за своими детьми, тот больше рожает. Если конкретно взять наш садик, то многих детей приводят неопрятными, есть такие родители, которые из года в год рожают, им не важно, они смогут обеспечивать — не смогут обеспечивать. Чем они думают, я не знаю. (КБР, село, ж.)

Наиболее осторожный, ответственный подход к родительству респонденты наблюдают в первую очередь в наиболее состоятельных семьях.

Если человек успешен, то у него либо один ребенок, либо вообще нет. Потому что либо у него просто нет времени, либо он не уверен в том, что может дать ребенку то, что ему пригодится в жизни. (Томская область, село, м.)

А конкретно осознанные, более образованные, которые понимают всю ответственность, они уже вместе принимают решения, смогут обеспечивать, воспитать. (КБР, село, ж.)

«Качественное» родительство и традиции старших поколений

Важно отметить, что ориентация на «качественное» родительство, отказ от установки на обязательную многодетность далеко не у всех респондентов связаны с отказом от всего комплекса традиций и норм поведения, унаследованных от старших поколений. Интересна реплика северокавказского респондента, в которой многодетность рассматривается как раз в качестве препятствия для сохранения этих традиций.

Соблазнов сейчас очень много. Особенно последние 15—20 лет. Мы все закончили 15—20 лет назад высшие учебные заведения, наше поведение в присутствии

старших, в присутствии женщин, оно кардинально отличается от поведения сейчас нынешнего поколения. И мы боимся, что мы не в состоянии проследить за большим количеством людей, это останавливает сейчас наше поколение (в рождении детей). (КБР, село, м.)

С другой стороны, когда респонденты на Северном Кавказе говорили, что их поколение более самостоятельно и ответственно, чем старшие, решает, сколько иметь детей, они далеко не всегда объясняли это общим «осовремениванием» жизни молодежи. Одна из причин изменения отношения к деторождению участникам северокавказских фокус-групп виделась в большей религиозности молодежи северокавказских регионов:

А также то, что религия больше проникает в нашу жизнь, сейчас молодежь, на мой взгляд, более осознанно относится к этому [рождению детей]. (КЧР, город, м.)

Кроме того, ориентация на «качественное» родительство, на создание не только материально, но и психологически комфортных условий в семье во время воспитания детей не во всех случаях означало отказ от многодетности. Например, в мужской группе в селе Кабардино-Балкарии один из респондентов считал, что оптимальный компромисс между количеством детей и качеством воспитания — трое-четверо детей:

Воспитание трех-четверых и семерых-девятирех — это абсолютно разные вещи. Один несчастный ребенок — это испортит настроение вам и всем другим. И вы будете трезво оценивать свои возможности. Есть же в торговле соотношение цены и качества. И вы сами будете определять отношение вашего количества детей и того, на что вы способные сами. И материально, и по воспитанию. (КБР, село, м.)

Совмещение родительства и работы

Еще один «компромисс», о необходимости найти который говорило большинство респондентов, — между родительством и самореализацией, прежде всего профессиональной. Причиной отказа от нее, по мнению участников фокус-групп, родительство не должно стать ни для отца, ни для матери:

Но я считаю хорошо лет в 35 лет [родить ребенка]: ты к этому моменту сделала карьеру, у тебя есть собственное жилье. (Башкортостан, село, ж.)

Но я работаю и хочу работать, и не только потому, что одна их воспитываю. Нужна самореализация и женщине, и мужчине. (Ставрополье, село, ж.)

«Сдвиг» родительства к более поздним возрастам многие респонденты объясняли именно тем, что в окружающей их реальности совмещать родительство и полноценную трудовую жизнь проблематично, откуда и тенденция становиться родителями только после достижения определенного уровня в карьере, профессии.

Хочется сначала реализовать полностью себя, чтобы сначала построить свою жизнь, потом уже задумываться об этом. (Калмыкия, село, ж.)

В мужских группах на Северном Кавказе некоторые участники негативно оценивали желание женщин получить образование, найти достойную работу, но и эти респонденты признавали, что совмещение материнства и профессиональной самореализации стало базовым вариантом поведения женщин в их населенном пункте.

Самая большая проблема в связи с рождаемостью сейчас — это женщины. Именно в тот период, когда они могут и должны рожать, многие из них не выходят замуж и тратят либо на учебу, либо на карьеру именно этот период, когда у них способность к воспроизводству, они тратят на ненужные вещи, поэтому уже в поздние годы, когда здоровье [не позволяет, родить много детей не получается]. (КБР, село, м.)

Обсуждение результатов

Мы рассмотрели взгляды на рождаемость, высказанные на фокус-группах в 2021 и 2023 гг. в тех группах населения России, которые представляются хранителями «традиционных» подходов к созданию семьи и воспитанию детей и прирост рождаемости в которых в недавние периоды был более существенным, нежели в целом по стране. Качественное исследование охватило две группы, подпадающие под эти критерии: это жители сельских территорий различных регионов, а также население республик Северного Кавказа. Позволяют ли результаты фокус-групп говорить о том, что взгляды их участников на рождаемость далеки от тех взглядов, которые исследователи связывают со Вторым демографическим переходом? Ответ на этот вопрос не столь однозначен.

С одной стороны, респонденты фокус-групп явно негативно относились к бездетности, считая ее «чуждой идеей» не только лично для себя, но и для своего окружения. Ни один участник фокус-групп не оспорил точку зрения, что без рождения детей жизнь человека не может быть полноценной. Здесь довольно существенное отличие от ценностной базы Второго демографического перехода, признающей отказ от родительства отдельным жизненным выбором в ряду других возможных [van den Каа, 1994]. С другой стороны, целый ряд представлений и подходов, озвученных в ходе обсуждений и почти не встретивших несогласия других участников фокус-групп, характерен именно для Второго демографического перехода.

Во-первых, будучи противниками отказа от деторождения, участники фокус-групп оказались столь же явными противниками какого-либо социального регламентирования родительства — как по количеству детей, так и, например, по возрасту матери при рождении ребенка.

Во-вторых, респонденты не считали важным ориентироваться в решениях о рождении ребенка на опыт и представления старших поколений, на мнения старших родственников. Все решения в этой сфере признавались исключительно предметом личного выбора, не подлежащего социальной и внутрисемейной «цензуре».

В-третьих, считая принципиально важным «качество» родительства, участники фокус-групп понимали под ним вовсе не только способность родителей обес-

печить ребенку определенные условия жизни, но и психоэмоциональную готовность будущих родителей к рождению ребенка. Существенным препятствием для принятия решения о рождении ребенка респонденты считали невозможность совмещать заботу о потомстве и профессиональную самореализацию. В ходе фокус-групп неоднократно звучали мнения о том, что такое совмещение желательно и для отца, и для матери.

Важно при этом отметить, что среди респондентов, разделявших этот комплекс взглядов, некоторые выражали желание иметь большое потомство. То есть идеи, характерные для Второго демографического перехода, в большинстве стран сопряженного с существенным снижением рождаемости (см. выше), у наших респондентов не всегда были связаны с ориентацией на малое число детей. Также данный комплекс взглядов не всегда предполагал установку на одинаковое участие обоих родителей в воспитании. На Северном Кавказе, например, респонденты, особенно в мужских фокус-группах, настаивали на достаточно «традиционном» разделении родительских ролей, при котором ежедневная забота о детях ложится главным образом на мать.

Такое резюме результатов проведенных фокус-групп позволяет сделать вывод, что респонденты разделяют целый ряд взглядов на деторождение, характерных для Второго демографического перехода, однако при этом не обязательно ориентированы на такие его аспекты, как низкая рождаемость и полная симметрия гендерных ролей в семье.

Что может означать этот вывод для изучения взглядов на рождаемость среди населения тех территорий, на которых проводилось исследование? Разумеется, метод фокус-групп не позволяет делать какие-либо количественные оценки и генерализировать результаты. Техника проведения фокус-групп была ориентирована прежде всего на выявление спектра мнений по рассматриваемым вопросам и на оценку того, насколько остро сами респонденты воспринимают имеющиеся между ними расхождения. Охарактеризованный в предыдущем разделе комплекс взглядов в ходе фокус-групп практически не оспаривался. Споры, иногда очень острые, возникали по другим темам, таким как возможные долгосрочные последствия пандемии (в 2021 г.), необходимость иметь хотя бы одного ребенка мужского пола (в КБР и КЧР), ситуация с доступностью детских садов (в фокус-группах с участием респондентов, имеющих детей). Существенно также, что ни на одной из фокус-групп среди участников нельзя было выделить лидера, который озвучивал бы свою позицию наиболее активно при низкой вовлеченности в дискуссию других респондентов. Ранее мы часто встречались с такой ситуацией при проведении фокус-групп на Северном Кавказе, но в данном случае ни в КБР и КЧР, ни в регионах за пределами Северо-Кавказского федерального округа этого не наблюдалось. Напротив, почти в каждой фокус-группе разные элементы описанного комплекса взглядов озвучивались разными участниками. Вместе с тем методика подбора респондентов не дает оснований говорить, что результаты фокус-групп отражают только мнения каких-то «избранных» жителей той или иной территории, например наиболее образованных, имеющих наиболее высокие доходы и т. д. То есть озвученные на фокус-группах взгляды так или иначе присутствуют в разных социальных слоях населения, образуя по крайней мере один элемент в «меню» подходов к деторождению.

При интерпретации результатов исследования необходимо учитывать одно важное ограничение. Важный параметр, по которому отбор респондентов был сильно затруднен и проведен не был, — это наличие или отсутствие у них опыта жизни за пределами своего населенного пункта или региона. Как уже было отмечено, большинство участников фокус-групп в сельской местности такой опыт имели. Было мало респондентов, про которых можно было бы утверждать, что их взгляды на рассматриваемые вопросы были сформированы исключительно или в первую очередь их сельской средой проживания, без влияния контактов с людьми иного культурного бэкграунда, мало представленных на селе образовательных страт и т. д. Более того, мы видели, что некоторые респонденты сознательно противопоставляли свои взгляды взглядам сельских жителей, более изолированных от «внешнего мира» в силу удаленности населенных пунктов. Однако для нас не очевидно, что именно последняя группа респондентов представляет наибольший интерес для оценки имеющихся на селе подходов к деторождению. Миграционная активность сельского населения, в том числе за счет временной миграции, в России на протяжении всех постсоветских десятилетий была весьма высока [Мкртчян, 2024]. Поэтому взгляды той части сельского населения, которая имеет большой опыт общения с «городскими» слоями, длительное время пребывала в среде с более высоким образовательным уровнем, чем преобладает на селе, являются важной частью общей картины взглядов, имеющихся среди сельского населения. Кроме того, многочисленные исследования показали, что взгляды на деторождение, характерные первоначально только для относительно небольшой части социума, имеющей особый опыт контактов за его пределами, часто имеют тенденцию к распространению в социуме в целом [Bongaarts, Watkins, 1986].

Для каких-либо более точных выводов о степени популярности разных взглядов на родительство требуется расширение географии исследования, а также использование наряду с качественными количественных методов. Однако рассмотренные в настоящей статье результаты уже могут служить предостережением против того, чтобы ожидать в ближайшем будущем в сельской России, а также в ряде «национальных» субъектов какой-то особый «режим» рождаемости, отличающийся от других частей страны. Взгляды на рождаемость, выявленные в ходе качественного исследования, не подтвердили распространенных представлений о том, что среди населения этих частей страны многодетность и повторение репродуктивных траекторий предшествующих поколений воспринимаются как безусловная и доминирующая в обществе ценность.

Данный вывод важен не только для прогнозов динамики рождаемости, но и для понимания того, какая политика по поддержке деторождения может быть эффективной в ближайшее время, в том числе в рассматриваемых группах населения. Очевидно, что эта политика должна быть ориентирована на помощь в совмещении родительства и профессиональной самореализации как отцов, так и матерей. Кроме того, вряд ли целесообразно выстраивать меры поддержки рождаемости таким образом, чтобы они стимулировали деторождение в самых молодых возрастах: именно в тех частях страны, где текущий возраст материнства моложе, чем по России в целом, респонденты аргументированно отстаивали преимущества более «поздней» рождаемости. Каковы бы ни были оценки эффективности

мер поддержки рождаемости, реализуемых в России уже почти два десятилетия [Слонимчик, Юрко, 2015; Zakharov, 2024], их «настройка» для современных условий должна учитывать сегодняшние ценностные ориентиры, с которыми жители разных частей страны подходят к решению о рождении детей.

Список литературы (References)

1. Демографическая модернизация России: 1900—2000 / общ. ред. А. Г. Вишневого. М.: Новое издательство, 2006.
Vishnevsky A. G. (ed.) (2006) *Demographic Modernization of Russia: 1900—2000*. Moscow: Novoe Izdatel'stvo. (In Russ.)
2. Долбик-Воробей Т. Студенческая молодежь о проблемах брака и рождаемости // Социологические исследования. 2003. № 11. С. 78—83.
Dolbik-Vorobej T. (2003) Student Youth Opinions on Marriage and Child Bearing. *Sociological Studies*. No. 11. P. 78—83. (In Russ.)
3. Захаров С. В. Трансформация брачно-партнерских отношений в России: «золотой век» традиционного брака близится к закату? // Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе. Вып. 1 / под науч. ред. Т. М. Малевой, О. В. Синявской. М.: НИСП, 2007. С. 75—127.
Zakharov S. V. (2007) The Transformation of Marital Relations in Russia: Does the “Golden Age” of Traditional Marriage Come to Its End? In: T. M. Maleva, O. V. Sinjavskaya (eds.) *Parents and Children, Men and Women in Family and Society*. Moscow: NISP. P. 75—127. (In Russ.)
4. Захаров С. В., Сакевич В. И. Рождаемость и планирование семьи // Население России 2015: двадцать третий ежегодный демографический доклад / общ. ред. С. В. Захарова. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2017. С. 112—185.
Zakharov S. V., Sakevich V. I. (2017) Fertility and Family Planning. In: S. V. Zakharov (ed.) *Population of Russia 2015: The 23th Annual Demographic Report*. Moscow: The Higher School of Economics Publishing House. P. 112—185. (In Russ.)
5. Казенин К. И. Традиционализм семейного уклада и возрастные характеристики брачности: о чем говорит пример Карачаево-Черкесии? // Демографическое обозрение. 2019. Т. 6. № 3. С. 98—127. <https://doi.org/10.17323/demreview.v6i3.9857>.
Kazenin K. I. (2019) Family Traditionalism and Age-Specific Nuptiality Patterns: What Does the Example of Karachay-Cherkessia Point To? *Demographic Review*. Vol. 6. No. 3. P. 98—127. (In Russ.) <https://doi.org/10.17323/demreview.v6i3.9857>.
6. Казенин К. И. Как пандемия отражается на репродуктивных плана населения: результаты качественного социологического исследования // Население и экономика. 2022. Т. 6. № 4. С. 107—122. <https://doi.org/10.3897/popecon.6.e93480>.

- Kazenin K. I. (2022) COVID-19 and Fertility Intentions: A Qualitative Study in Six Regions of Russia. *Population and Economics*. Vol. 6. No. 4. P. 107—122. <https://doi.org/10.3897/popecon.6.e93480>. (In Russ.)
7. Казенин К. И., Козлов В. А. Омоложение материнства в Дагестане: тенденция или артефакт? (Предварительные результаты обследования сельского населения) // Демографическое обозрение. 2016. Т. 3. № 3. С. 100—123. <https://doi.org/10.17323/demreview.v3i3.1748>.
Kazenin K. I., Kozlov V. A. (2016) Rejuvenation of the Motherhood in Dagestan: A Tendency or an Artefact? (The Preliminary Results of the Rural Population Survey). *Demographic Review*. Vol. 3. No. 3. P. 100—123. <https://doi.org/10.17323/demreview.v3i3.1748>. (In Russ.)
 8. Казьмина О., Пушкарева Н. Брак в России XX века: традиционные установки и инновационные эксперименты // Семейные узы. Модели для сборки. Книга 1. М.: Новое литературное обозрение, 2004. С. 185—219.
Kazmina O., Pushkareva N. (2004) Marriage in Russia in the 20th Century: Traditional Settings and Innovative Experiments. In: *Marital Relations: Models of Creating*. Vol. 1. Moscow: New Literary Observer. P. 185—219. (In Russ.)
 9. Митрофанова Е. С. Модели взросления разных поколений россиян // Демографическое обозрение. 2019. Т. 6. № 4. С. 53—82. <https://doi.org/10.17323/demreview.v6i4.10427>.
Mitrofanova E. S. (2019) Models of the Transition to Adulthood of Different Russian Generations. *Demographic Review*. Vol. 6. No. 4. P. 53—82. (In Russ.) <https://doi.org/10.17323/demreview.v6i4.10427>.
 10. Мкртчян Н. В. Миграция сельского населения в России в 2010-е годы // Демографическое обозрение. 2024. Т. 11. № 2. С. 21—43. <https://doi.org/10.17323/demreview.v11i2.21825>.
Mkrтчyan N. (2024) Migration of the Rural Population in Russia in the 2010s. *Demographic Review*. Vol. 11. No. 2. P. 21—43. <https://doi.org/10.17323/demreview.v11i2.21825>. (In Russ.)
 11. Население России — 2014: двадцать второй ежегодный демографический доклад / под ред. С. В. Захарова. М.: Издательский дом ВШЭ, 2016.
Zakharov S. V. (ed.) (2016) Population of Russia — 2014: the 22nd annual demographic report. Moscow: Publishing house of Higher School of Economics. (In Russ.)
 12. Слонимчик Ф., Юрко А. В. Оценка влияния политики материнского капитала в России // Демографическое обозрение. 2015. Т. 3. № 3. С. 30—68. <https://doi.org/10.17323/demreview.v2i3.1774>.
Slonimčik F., Yurko A. V. (2015) Assessing the Impact of the Maternity Capital Policy in Russia. *Demographic Review*. Vol. 3. No. 3. P. 30—68. <https://doi.org/10.17323/demreview.v2i3.1774>. (In Russ.)
 13. Шабунова А. А., Калачикова О. Н. Проблемы трансформации демографических институтов: семья и брак // Социологический альманах. 2015. № 6. С. 151—165.

- Shabunova A. A., Kalachikova O. N. (2015) The Problem of Transformation of Demographic Institutions. *Sociological Almanach*. Vol. 6. No. 6. P. 151—165. (In Russ.)
14. Bongaarts J., Watkins S. (1996) Social Interactions and Contemporary Fertility Transitions. *Population and Development Review*. Vol. 22. P. 639—682.
 15. Kazenin K., Kozlov V. (2020) Survey Responses on Desired Fertility in Patriarchal Societies: Community Norms vs. Individual Views. *Comparative Population Studies*. Vol. 45. P. 201—228. <https://doi.org/10.12765/CPoS-2020-15>.
 16. Kitzinger J. (1994) The Methodology of Focus Groups: The Importance of Interaction Between Research Participants. *Sociology of Health & Illness*. Vol. 16. P. 103—121.
 17. Knodel J., Chamrathirong A., Debavalya N. (1987) Thailand's Reproductive Revolution: Rapid Fertility Decline in a Third-World Setting. Madison, WI: University of Wisconsin Press.
 18. Lalwani A. K., Shavitt Sh., Johnson T. (2006) What Is the Relation Between Cultural Orientation and Socially Desirable Responding? *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 90. P. 165—178. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.90.1.165>.
 19. Lesthaeghe R. A. (1993) Century of Demographic and Cultural Change in Western Europe: An Exploration of Underlying Dimensions. *Population and Development Review*. Vol. 9. No. 3. P. 411—435.
 20. Morgan D. L. (1996) Focus Groups. *Annual Review of Sociology*. Vol. 22. P. 129—152.
 21. Morgan D. L., Krueger R. A. (1993) When to Use Focus Groups and Why. In: D. L. Morgan (ed.) *Successful Focus Groups: Advances in the State of the Art*. Thousand Oaks, CA: Sage. P. 3—19.
 22. Notestein F. W. (1945) Population: The long view. In: Th. W. Schultz (ed.) *Food for the World*. Chicago, IL: University of Chicago Press.
 23. Perelli-Harris B., Gerber T. P. (2011) Non-marital Childbearing in Russia: Second Demographic Transition or Pattern of Disadvantage? *Demography*. Vol. 48. No. 1. P. 317—342. <https://doi.org/10.1007/s13524-010-0001-4>.
 24. Randall D., Fernandes M. (1991) The Social Desirability Response Bias in Ethics Research. *Journal of Business Ethics*. Vol. 10. P. 805—817. <https://doi.org/10.1007/BF00383696>.
 25. Sobotka, T. (2008) The diverse faces of the Second Demographic Transition in Europe. *Demographic Research*. Vol. 19. P. 171—224.
 26. Van de Kaa D. J. (1987) Europe's Second Demographic Transition. *Population Bulletin*. Vol. 42. No. 1. P. 1—59.
 27. Van de Kaa D. J. (1994) The Second Demographic Transition Revisited: Theories and Expectations. In: G.C.N. Beets (ed.) *Population and Family in the Low Countries*. Lisse: Swets and Zeitlinger.

28. Zakharov S. (2008) Russian Federation: From the First to Second Demographic Transition. *Demographic Research*. Vol. 19. P. 907—972. <https://doi.org/10.4054/DemRes.2008.19.24>
29. Zakharov S. (2024) Three Decades on Russia's Path of the Second Demographic Transition: How Patterns of Fertility are Changing Under an Unstable Demographic Policy. *Comparative Population Studies*. Vol. 49. P. 25—54. <https://doi.org/10.12765/CPoS-2024-02>.
30. Zeller R. A. (1993) Focus Group Research on Sensitive Topics: Setting the Agenda Without Setting the Agenda. In: D. L. Morgan (ed.) *Successful Focus Groups: Advances in the State of the Art*. Thousand Oaks, CA: Sage. P. 167—183.